

УДК 82'396, 81'42

Роль символического атрибута *рушник* в традиционном свадебном обряде (на примере приграничных с Беларусью территорий Брянской области)¹

Стародубец Светлана Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Кривоносова Мария Александровна

Секретарь,
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: olgamischerskaya@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется языковой материал, отражающий лексические особенности свадебного обрядового фольклора приграничных с Белоруссией районов Брянской области. Авторы рассматривают ритуальную многофункциональность свадебного атрибута *рушник*, а также осуществляют этнолингвистический анализ символического значения лексемы *рушник*, бытующей на приграничных территориях. Отмечается, что рассматриваемое диалектное наименование встречается при описании календарных и традиционно-бытовых обрядов, но наиболее многопланово специфика символического значения «эвентуальной» лексемы *рушник* проявляется в свадебной народной традиции. Фиксируя переход значения слова из бытового в символическое как результат его вовлечения в структуру свадебного обрядового дискурса, авторы анализируют механизмы наделения диалектной лексемы специфическими сакральными смыслами, символическими значениями, отражающими основные этапы обрядового процесса и актуализирующимися, как правило, посредством контекстуальных распространителей. Прделанный в статье этнографический и лингвокультурологический анализ фольклорных текстов, зафик-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-24-01006 «Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора брянско-гомельского пограничья».

сированных на территории брянско-гомельского пограничья и выступающих как факт специфической региональной народной культуры, позволяет авторам утверждать, что функционирующая в свадебном обряде номинация *рушник* отражает в представлении народа неразрывность традиционного и духовного начал и выступает в качестве средства трансляции этнической культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Стародубец С.Н., Кривоносова М.А. Роль символического атрибута *рушник* в традиционном свадебном обряде (на примере приграничных с Беларусью территорий Брянской области) // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5А. С. 102-109.

Ключевые слова

Рушник, традиционная культура, свадебный обряд, обрядовая лексика, символ, символическое значение, брянско-гомельское пограничье.

Введение

Традиционный народный обряд, бытующий на территории брянско-гомельского пограничья, представляет интерес для исследования, с одной стороны, как факт традиционной народной культуры, обладающий своей региональной спецификой; а с другой – как факт живой этнокультурной сакральной коммуникации, которая во многом формируется обрядовой лексикой. Поэтому лингвокультурологическое описание лексемы *рушник*, функционирующей в обрядовой традиции приграничных с Белоруссией районов Брянской области, представляется актуальным.

В традиционной народной культуре *рушник* выступает как предметная номинация, называющая материальную составляющую обряда, а также как обрядовое слово, конструирующее наряду с другими лексемами сакральный смысл обряда.

Роль диалектной номинации *рушник* в традиционной народной культуре

Рушник является одним из наиболее интересных элементов, функционирующих в народной обрядовой традиции. Этот ритуальный атрибут сопровождает восточных славян на протяжении всей жизни: от рождения до смерти. Так, Ольга Васильевна Яковлева отмечает роль символических значений *рушника* в обрядовом дискурсе: «Рушник у побуті – це необхідний предмет, який є в кожному домі. Рушник у сімейних обрядах – це вже сакральний предмет з високим семіотичним статусом, символ дороги, якою підуть разом після весілля молодята; або це – символ переходу (тунелю) зі світу, де мешкають

предки, на білий світ в обряді народження дитини і навпаки – з цього світу в потойбіччя у поховальному обряді» [Яковлєва, 2014, 135].

На території брянско-гомельского пограничья наименование *рушник* встречается и при описании календарных и традиционно-бытовых обрядов (рождение, крестины, свадьба, похороны, поминальные обряды). Наиболее многопланово специфика символического значения лексемы *рушник* и многофункциональность этого обрядового атрибута проявились в свадебной народной традиции. *Рушник* использовался на всех этапах традиционного свадебного обряда: он выполнял функции соединения, покрывания, украшения, одаривания. «Ніводнае сапраўднае вяселле ва ўсходніх славян не абыходзілася і не абыходзіцца без ручніка, – подчэрківае Александра Александровна Станкевич, деляя акцент на многофункциональности *рушника* в традиционном восточнославянском свадебном обряде. – На вяселле ручнікі ўпрыгожвалі хаты маладых... Ручнік становіўся абавязковым атрыбутам сватання і заручын... Часта ручнік выступаў у ролі падарунка... Ручнік быў неабходны ў час падзелу каравая... Без ручніка немагчыма ўявіць сабе вянчання...» [Станкевіч, 2005, 74-75].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова фиксируется следующее значение: «РУЧНИК (или рушник), ручника, м. (обл.). Полотенце» [Ушакова, 1935-1940]. «Словарь народных говоров Западной Брянщины» предлагает подобную дефиницию: «РУШНИК и УТИРАЛЬНИК – полотенце» [Расторгуев, 1973, 323]. Более широкое описание значения номинации *рушник* представлено в «Брянском областном словаре»: «Рушнік, м. Полотенце... // Длинное, украшенное вышивкой, кружевом полотенце, которое вешали на иконы, картины, стены» [Курганская, 2007, 288]. Среди значений лексемы *рушник*, отраженных в «Словаре русских народных говоров», представлены следующие: «Ручник и рушник, м. Полотенце, обычно праздничное, вышитое <...> Расшитое, вышитое полотенце, употребляемое как украшение (икон, стен и т. п.) <...> Ручник. Полотенце, подаваемое гостям за обеденным столом вместо салфеток <...>. Полотенце, подаваемое гостям, сидящим за столом, на колени <...>. Грубое домотканое льняное или посконное полотенце <...>. Маленькая подстилка, коврик, используемый при земных поклонах, чтобы не испачкать руки об пол» [Филин, Сорокалетов, 2001, 283-285].

Специфика символических значений лексемы *рушник* в свадебном обрядовом дискурсе

Попадая в структуру обряда, диалектное наименование *рушник* наделяется специфическими сакральными смыслами, символическими значениями, отражающими специфику основных этапов обрядового процесса. Семиотический механизм перехода значения слова из бытового в символическое описан О.В. Белугиной, которая называет подобную лексику «эвентуальной»: «Данный блок содержит в себе как нормативные, так и диалектные языковые единицы, которые обозначают явления повседневной жизни человека, в связи с чем характеризуются минимальной степенью этнокультурной маркированности. Выбор термина обусловлен тем, что символи-

ческое значение таких языковых единиц способно проявляться при соответствующих условиях (лат. *evenire* – выходить, проявляться). Попадая в рамки обрядового дискурса, такие наименования либо в результате расширения смыслового объёма слова наделяются собственно сакральной семантикой, либо начинают объективировать символический компонент значения за счёт переосмысления денотативных признаков обозначаемой реалии» [Белугина, 2016].

Так, в бытовой жизни *рушник* – вышитое полотенце. В свадебном обряде *рушник* – символ согласия при обручении (перевязывался через плечо), символ отеческого благословения (на *рушнике* благословляли), символ счастливой и долгой супружеской жизни (связывал руки молодых при венчании), символ достатка и богатства (застилался под ноги молодым при венчании, под *рушник* клали зерно, деньги), символ уважения и почитания (на *рушнике* выносятся/подавался обрядовый хлеб – каравай). Часто во время свадебного обряда, встречая молодых, *рушниками* застилали дорогу от порога до стола. На территории приграничных с Беларусью районов Брянской области зафиксированы обрядовые действия, отражающие региональную специфику встречи молодых. С помощью *рушников* шесть пар из числа гостей сооружали символическую арку, через которую проходили молодые муж и жена на празднование в дом родителей невесты: «Мать нявэсты пóсле зáхса встряча́еть с хлэбам и sóлю, но то́лька ёсли не ўдава́. Абязáтальна встряча́ять замўжня́ жэ́нщина. Стана́вiлiся двяна́цать чалавэ́к па два, бра́ли **рушники́**, и малады́я прахадiли, как чэрыс ручаё́к» (Записано от Шмухляровой Валентины Никандровны, 1952 г.р., с. Старый Кривец, Новозыбковский район, Брянская область, РФ).

Традиционный свадебный обряд включал в себя ритуал связывания различных свадебных чинов: старост, бояр, дядек, а чаще всего – дружков (ближайших друга и подругу жениха и невесты, свидетелей). На исследуемой нами территории наименование *рушник* встречается и при описании этого игрового, потешного обрядового действия – перевязывания рук дружкам: «Ну, па адной: друшо́к ста́ршы́й и падрў́га ста́ршая. Но ё́сли ро́дичи баўа́ты, то маўли́ и па двух. И ве́шають им ужэ́ деў́ки друшкў́ плато́чак, букэ́т ве́шають и прявэ́зывають и друшкóф и дядьки, ё́сли ё́сть, прявэ́зывають **рушника́ми** и бал де́лають» (Записано от Чернобановой Анны Ивановны, 1927 г.р., с. Манюки, Новозыбковский район, Брянская область, РФ). Зафиксированное в данном случае игровое, сатирическое обрядовое значение «перевязывания рушниками» подчеркивается тем фактом, что соединенные таким образом дружки открывают свадебный «бал», то есть гулянье, основное веселье.

Рушник являлся неотъемлемой частью приданого невесты, которое каждая девушка готовила себе заранее. Приданое укладывалось в сундук и включало, как правило, постель (подушки, одеяла, перину), а также дары жениху и новым родственникам (рубашки, платки, *рушники*). В этой ситуации отчетливо проявляется символическое значение *рушника* как обрядового дара: «У придана́е пастэ́ль даю́т. Спо́рили баўа́та. Друшки́, го́сти, катóрья баявэ́я, так ужэ́ спо́рять: ё́тыя не даю́т нявэ́сты – да́йте вы́куп. У адних бы́ла так: сунду́к ё́тый тяўа́ли, мо́жа, час на рука́х, ё́тыя не даю́т вы́куп, а ё́тыя тяўа́ють [А постель отдельно не выкупа-

ли?] Пастэль аддэльна давалі, а ў сундукэ ужэ нарэды, **рушнікі́** (Записано от Чернобановой Анны Ивановны, 1927 г.р., с. Манюки, Новозыбковский район, Брянская область, РФ).

В свадебном обряде *рушники* выполняли еще одну обязательную функцию: на второй день празднования невеста «вешала рушники» – украшала ими дом свекрови (красный угол избы, стены, оконные и <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BE%D1%82> дверные проёмы). Обыденное украшение дома в контексте свадебного обряда наделяется сакральным смыслом, актуализации которого способствуют в том числе контекстуальные распространители «вешать, навешать, повесить, убирать, поубирать, украшать»: «А тада́ ужэ приижаю́ть, придáнии, то ё́сть у́ости маладо́й. То ані забра́ли пастэль адну́, а наза́втра вязу́ть астально́я: и сунду́к тэй, и ву́злял, **рушніко́в**. И ужэ **украша́юць** ха́ту маладо́уа: **вэ́шаюць** на во́кна, **рушнікі́ вэ́шаюць**, **убира́юць** ха́ту, **паубира́юць** и ужэ ўсе, и ўсе́х за стол сажа́юць» (Записано от Чернобановой Анны Ивановны, 1927 г.р., с. Манюки, Новозыбковский район, Брянская область, РФ); «Зако́н же шы́рму: штоп пашла́ ты за́муш, на о́кна вэ́шала и **рушнікі́ вэ́шала** у свякру́хи. Павязлі́ малада́йку, и ты ё́дзяш з **рушні́камі**. И не де́фка, а замуж́няя ужэ и не разва́дзяга. А то́льки, штоп за́мужам бы́ла, с хазя́инам. **Рушнікі́ вэ́шаты́** ё́дзя з малада́йкой ти с сястро́й» (Записано от Елисеенко Нины Макаровны, 1937 г.р., с. Верещаки, Новозыбковский район, Брянская область, РФ).

Эти обрядовые действия в некоторых районах исследуемых территорий выполнялись вечером первого свадебного дня. Богатство убранства дома говорило о старании и достатке невесты. Причем это ее умение часто оценивалось не только участниками свадебного обряда, но и многими другими жителями села: «Ну, прыда́ння ё́та – палатэ́нца, **рушнікі́** – мо́уць вэ́чарам прыне́сьць. Ё́сли вэ́чарам не прыня́сли маладо́му **завэ́сць**, то як прыва́зюць маладо́у, и **вэ́шаюць**» (Записано от Колесниковой Ульяны Васильевны, 1941 г.р., с. Заборье, Красногорский район, Брянская область, РФ); «Да, у пе́рвый день. И вэ́шаюць у свякру́ви **рушнікі́**, занавэ́ски на двэ́ри. Ў пе́рвый день вэ́чарам малада́йку приво́зять. Сва́дба ужэ канча́яца, и малада́йку вязу́ць. Ўсе́. А лю́ди бя́уць уляде́ць, ско́лки **рушніко́в навэ́шана**. А як малада́йку как забяра́юць, паса́дять малада́йку» (Записано от Елисеенко Нины Макаровны, 1937 г.р., с. Верещаки, Новозыбковский район, Брянская область, РФ).

Заклучение

Учитывая вышесказанное, можно говорить о том, что номинация *рушник* в рамках свадебного обрядового дискурса выступает в качестве «эвентуальной» лексемы и актуализирует свое символическое значение посредством контекстуальных распространителей.

Таким образом, этнографический и лингвокультурологический анализ фольклорных текстов, зафиксированных на территории брянско-гомельского пограничья, выявил, что в традиционном свадебном обряде номинация *рушник* отражает в представлении народа неразрывность традиционного и духовного начал и выступает в качестве средства трансляции этнической культуры, эксплицируя символическое значение обрядового текста.

Библиография

1. Белугина О.В. Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области: дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2016. 273 с.
2. Курганская Н.И. (ред.) Брянский областной словарь. Брянск, 2007. 381 с.
3. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. М.: Наука и техника, 1973. 296 с.
4. Филин Ф.П., Сорокалетов Ф.П. (ред.) Словарь русских народных говоров. Вып. 35. Ревель–Рящик. СПб.: Наука, 2001. 360 с.
5. Станкевіч А.А. Беларуска-рускае моўнае ўзаемадзеянне ў беларускай вясельнай лексіцы // Станкевіч А.А. Абрадавая лексіка ў гаворках Гомельшчыны: этналінгвістычны аналіз. Гомель: ГДУ ім. Ф. Скарыны, 2015. 269 с.
6. Ушаков Н.Д. (ред.) Толковый словарь русского языка: в 4 т. 1935-1940. URL. <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/>
7. Яковлева О.В. Обрядовый дискурс у системі національної лінгвоментальності. Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 2014. 396 с.

The role of the symbolic attribute of the *rushnyk* in a traditional wedding ceremony (by the example of territories of the Bryansk Oblast bordering with Belarus)

Svetlana N. Starodubets

Doctor of Philology, Professor,
Department of socio-economic sciences and humanities,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14 Bezhitskaya str., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Mariya A. Krivonosova

Secretary,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14 Bezhitskaya str., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: olgamischerskaya@mail.ru

Abstract

The article analyzes linguistic material that reflects the lexical features of the wedding ritual folklore of the districts of the Bryansk Oblast bordering with Belarus. The authors consider the ritual multifunctionality of the wedding attribute of the *rushnyk* (towel) and also perform ethno-linguistic analysis of the symbolic meaning of the lexeme *rushnyk*, prevailing in the border areas. It is noted that the dialect name under examination is found in the description of the calendar and traditionally everyday rituals. But the specificity of the symbolic meaning of "eventual" lexeme *rushnyk* is fully evident in the wedding folk tradition. Fixing the transition of the meaning of the word from household to symbolic as a result of its involvement in the structure of the wedding ritual discourse, the authors analyze the mechanisms of providing dialectal lexeme with specific sacred meanings, symbolic meanings, reflecting the main stages of the ritual process and actualizing usually through contextual distributors. The ethnographic and linguistic-cultural analysis of folklore texts recorded in the territory of the Bryansk-Gomel frontier and acting as the fact of specific regional folk culture allows the authors to argue that the nomination of the *rushnyk*, functioning in a wedding ceremony, reflects the continuity of the traditional and spiritual beginnings in people's mind and acts as a means of translating ethnic culture.

For citation

Starodubets S.N., Krivonosova M.A. (2016) Rol' simvolicheskogo atributa *rushnik* v traditsionnom svadebnom obryade (na primere prigranichnykh s Belarus'yu territorii Bryanskoi oblasti) [The role of the symbolic attribute of the *rushnyk* in a traditional wedding ceremony (by the example of territories of the Bryansk Oblast bordering with Belarus)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (5A), pp. 102-109.

Keywords

Rushnyk, traditional culture, wedding ritual, ritual vocabulary, symbol, symbolic meaning, Bryansk-Gomel frontier.

References

1. Belugina O.V. (2016) *Spetsifika funktsionirovaniya obryadovoi leksiki v fol'klore yugo-zapadnykh raionov Bryanskoi oblasti. Dokt. Diss. Abstract* [The specificity of functioning of ritual vocabulary in the folklore of South-Western districts of the Bryansk Oblast. Doct. Diss. Abstract]. Bryansk.
2. Filin F.P., Sorokaletov F.P. (ed.) (2001) *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 35. Revet'–Ryashchik* [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 35. Revet'–Ryashchik]. St. Petersburg: Nauka Publ.

3. Kurganskaya N.I. (ed.) (2007) *Bryanskii oblastnoi slovar'* [Bryansk Oblast dictionary]. Bryansk.
4. Rastorguev P.A. (1973) *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoi Bryanshchiny* [Dictionary of folk dialects of the West of Bryansk]. Moscow: Nauka i tekhnika Publ.
5. Stankevich A.A. (2015) Belorussko-russkoe yazykovoe vzaimodeistvie v belorusskoi svadebnoi leksiki [Belarusian-Russian linguistic interaction in the Belarusian wedding vocabulary]. In: Stankevich A.A. *Ritual vocabulary in the dialects of the Gomel Region: ethno-linguistic analysis*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University.
6. Ushakov N.D. (ed.) (1935-1940) *Tolkovyiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Available at: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/> [Accessed 20/07/2016].
7. Yakovleva A.V. (2014) *Obryadovyi diskurs v sisteme natsional'noi ligvomental'nosti* [Ritual discourse in the national linguistic mentality]. Odessa: Odessa National University.